Часы академика Сикорского

Автор:
Наталья Александрова

Часы академика Сикорского

Наталья Николаевна Александрова

Роковой артефакт

Когда-то дом в тихом поселке Мухино принадлежал известному ученому-химику Сикорскому, но после его смерти комнаты стали сдавать всем желающим. Так под одной крышей собралась компания случайных людей, которые из-за карантина были вынуждены коротать время друг с другом. Но однажды вечером случилось страшное – в саду был найден труп неизвестного человека. Под подозрением оказались все жильцы дома.

Вскоре выяснилось, что квартиранты связаны между собой сложными и не самыми доброжелательными отношениями. Да и сам старинный дом хранит слишком много тайн и, кажется, живет своей собственной загадочной жизнью: портреты оживают, вещи то исчезают, то появляются, допотопные часы бьют, когда им заблагорассудится…

Одна из обитательниц дома, Александра, решила покончить со всей этой чертовщиной и самостоятельно найти преступника. И кажется, ей это удалось…

Наталья Александрова

Часы академика Сикорского

© Н. Александрова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Александра вздрогнула, проснулась и тут же торопливо натянула одеяло до самого подбородка – в ее комнате находился мужчина. Посторонний мужчина.

Впрочем, вот уже несколько лет, после того как уехал Николай, все мужчины были для нее посторонними.

Но этот мало того что посторонний – незнакомый.

Однако незнакомый ли?

Где-то она уже видела это крупное, значительное лицо в глубоких выразительных складках, темные, глубоко посаженные глаза, причем видела совсем недавно…

Мужчина топтался возле двери и оглядывался по сторонам, словно что-то искал. При этом он шевелил губами, но не было слышно ни звука. На Александру не смотрел, похоже, он ее вообще не замечал.

Александра тихонько кашлянула, чтобы привлечь его внимание, но мужчина, похоже, ничего не услышал. И это сейчас, во время эпидемии, когда при малейшем кашле все вздрагивают…

– Эй! – негромко окликнула Александра. – Сударь!

Такое обращение прозвучало глупо и несовременно, но как еще обратиться к незнакомцу? Господин? Глупее не придумаешь! Товарищ? Ну уж нет! Гражданин? Отдает какой-то полицейщиной. Молодой человек? Явно не по возрасту. Просто «мужчина» – совсем уж двусмысленно, тут сразу приходят на ум представительницы древнейшей профессии. «Мужчина, не хотите отдохнуть?..» Брр!

– Сударь! – повторила Александра чуть громче. Не дай бог, услышат соседи, подумают, с кем это она тут разговаривает. – Что вы здесь делаете? Вы ошиблись комнатой!

На этот раз мужчина повернулся на звук голоса, но посмотрел не на Александру, а сквозь нее. Как будто она была пустым местом, более того – человеком-невидимкой…

Александра сумела разглядеть его. Крупный, вальяжный, в темно-красной шелковой домашней куртке. Серебристые волосы аккуратно подстрижены и причесаны. Явно не злоумышленник, тайком пробравшийся в дом. На кого же он похож?

Незнакомец удивленно скользнул по ней невидящим взглядом, пожал плечами и зашел за платяной шкаф.

Взглянув на большой портрет, висящий над письменным столом, Александра наконец поняла, на кого похож незнакомец.

На портрете был изображен представительный мужчина лет шестидесяти, в темно-красной домашней куртке и черной шапочке-ермолке. Такие шапочки носили раньше крупные ученые, профессора, академики. А человек на портрете и был академиком. Выдающийся химик Сикорский, владелец дома, в котором сейчас жила Александра.

Выходит, академик Сикорский стоит сейчас за шкафом у нее в комнате? Бред какой-то! Он умер уже лет сорок назад.

Где-то за стеной пробили часы. Скорее всего это были те большие напольные часы, которые стояли в гостиной.

Придерживая одеяло, Александра приподнялась на кровати, заглянула за шкаф… Там никого не было. И вообще в комнате никого не было, кроме нее.

Так что же – у нее начались видения, галлюцинации? Или в доме живет привидение бывшего владельца?

Как бы там ни было, Александра чувствовала себя неловко, будто за ней кто-то подглядывает. Ей и прежде было неудобно одеваться под внимательным и пристальным взглядом академика на портрете, а после того, как она видела его воочию, и подавно…

Александра открыла дверцу шкафа, отгородившись от портрета, торопливо оделась, прихватила полотенце, выскользнула в коридор. И тут же налетела на Дарью.

Дарья шла из своей комнаты с полотенцем на плечах, многочисленные косички-дреды торчали вокруг головы солнечным нимбом, глаза горели веселым ведьминским огнем.

– Сашура! – шагнула она навстречу Александре, раскинув руки, как для объятий, но тут же вспомнила о карантине, который и собрал их под одной крышей, и вместо объятий сделала пародийный книксен. – Сашура, а что это на тебе лица нет? Где ты его потеряла?

Александре совсем не хотелось рассказывать отвязной Дарье о своем утреннем видении, но соседка обладала удивительным даром – ей и не хочешь, а все расскажешь. Вот и сейчас против своей воли Александра произнесла:

– Представляешь, только проснулась и вдруг увидела у себя в комнате…

Она тут же осеклась, сжала губы, но было уже поздно, Дарья вцепилась в нее как клещ:

– Кого? Кого ты увидела? Кто к тебе проник? Кто-то из наших? Кто, кто? Но ты была холодна? Признавайся!

– Да что ты несешь! – отмахнулась Александра. – Что ты такое подумала…

– А-а, тогда я знаю! – откровенно веселилась Дарья. – Ты увидела академика! Ведь здесь живет его привидение!

– Что, правда? Его еще кто-то видел? – не удержалась Александра и поняла, что этими вопросами выдала себя. Сейчас Дарья выпытает у нее все подробности.

– А как же! – Глаза Дарьи сияли от восторга, голос звенел, как высоковольтный провод перед грозой. – Правда, обычно он ходит по ночам, но в настоящее время, ввиду особых обстоятельств, является и при свете. Чаще всего он заглядывает в свой бывший кабинет, а ты как раз там и живешь…

Александра невольно вспомнила, как в детстве ездила на каникулы в летний лагерь. Там одна девчонка рассказывала перед сном страшные истории – про черную руку, про безголового велосипедиста… Все слушали ее, замирая от сладкого ужаса.

А Дарья тем временем продолжала:

– Заглядывает, подходит к кровати… то есть к дивану, и говорит загробным голосом: «Отдай мою черную ручку… Отдай мою черную ручку с золотым пером…»

Голос ее звучал очень выразительно. Ну да, Дарья же артистка… Точнее, не то чтобы артистка, но к театру имеет отношение, и у Александры уже мурашки побежали по телу, но тут из своей комнаты выплыла Лена Раевская – со сна еще более сдобная, чем обычно, усыпанная крупными веснушками, как свежая булочка изюмом.

– Представляешь, Ленусик, – повернувшись к ней, проворковала Дарья, – Сашура его тоже видела!

– Кого? – Медленно соображающая со сна Лена заморгала и уставилась на Александру.

– Ну как – кого?! – воскликнула Дарья в неподдельном восторге. – Его, конечно! Призрак академика Сикорского!

– Призрак? – Лена округлила глаза. – Что, правда?

– Ну, я не знаю… – смутилась Александра.

Лена с Дарьей незаметно переглянулись.

В это время входная дверь открылась и с улицы, после утренней пробежки, вошла Рита. Оглядев присутствующих, она поинтересовалась, почему все толпятся в коридоре.

– Представляешь, Ритуля, – проговорила Дарья фальшиво-сочувственным голосом, – Александра тоже видела здешнее привидение!

– И не надоело вам? Повторяетесь! – фыркнула Рита, поправляя волосы и, повернувшись к Александре, добавила неодобрительно: – Это они всех разыгрывают! Наряжают Гену академиком и запускают к новоприбывшим. Думают, это очень смешно. Ко мне вот тоже запустили, но я его тут же выпроводила. А отец, так он его вообще тростью огрел, так что Гена к нам больше и не сунется. Мне-то в общем все равно, а папа нервничает…

– Ну, Ритуля… – обиженно протянула Дарья, – ну зачем ты все портишь! Мы все так хорошо придумали… Скучно же. А тут какое-никакое развлечение…

– Значит, это розыгрыш? – переспросила Александра и испытала странное разочарование. Утреннее приключение оказалось всего лишь банальным розыгрышем.

– Ну, разумеется, розыгрыш… – Рита шагнула к своей двери. – А ты что, думала, тут и правда живет привидение?

– Постойте, – подала вдруг голос сонная Лена, – но мы еще не… Гена еще не успел…

– Что значит – не успел? – нахмурилась Дарья. – Как это – не успел? Почему не успел?

– Да мы с ним проспали… – Лена широко зевнула, прикрыв рот пухлой ладонью.

Тут открылась дверь комнаты Раевских, и на пороге появился Гена, на ходу натягивая темно-красную спортивную куртку. На голове криво сидела круглая черная шапочка, из-под которой выбивались неровные белесые пряди, на лице был виден неаккуратно нанесенный грим – несколько ненатуральных морщин, темные круги под глазами…

– Что, не успели? – выпалил он смущенно. – Она уже встала? Ох ты, незадача…

Александра удивленно уставилась на него. Гена был ничуть не похож на покойного академика – куда худее и моложе, несмотря даже на нелепую попытку состарить его при помощи дешевого парика и неумело нанесенного грима.

Опять же, на том человеке, которого она видела утром в своей комнате, была старомодная и очень стильная домашняя куртка, а Гена вырядился в какое-то спортивное убожество…

Нет, Александра никак не могла его перепутать с покойным академиком! Она же ясно его видела, когда он почти рядом стоял. Но говорить об этом было нельзя, а то насмешек потом не оберешься. Компания подобралась веселая, что и говорить.

Дарья бросила на Александру пронзительный взгляд, словно рентгеном просветила, и уже открыла рот, чтобы что-то спросить, но тут в коридоре появился Пабло.

Очень колоритная личность, в который раз поразилась Александра. Смуглый, поджарый, волосы хоть и седые, но лежат пышной шапкой. Глаза черные, выразительные, блестят ярко. И вот что интересно: никто никогда не видел его спросонья. Выходит из комнаты всегда бодрый, энергией наполненный, прямо искрит от него. Может, оттого, что все время кофе пьет? Кофеварка у него была какая-то навороченная, он ее с собой привез. И запас кофе тоже.

– Кофе? – спросил Пабло.

И все тут же забыли про привидение и устремились к кофеварке. Дарья первая.

Получив от Пабло чашку изумительно пахнущего кофе, Александра улыбнулась всем присутствующим и ушла к себе.

«К себе, как же…» – тут же усмехнулась она, неплотно прикрывая дверь.

Своя квартира осталась в городе. Уютная и привычная, отчего бы не жить? Но… карантин, чтоб его! В городе оставаться не рекомендовали. Тем более что в издательстве, где она работала, всех сотрудников разогнали по домам, на удаленку. Даже бухгалтерию. А ее-то редакторскую работу можно где угодно делать.

Квартирка у нее была, конечно, маленькая и тесноватая, без балкона, так что свежим воздухом дышать совершенно негде. Александра как представила, что неизвестно сколько времени придется находиться в духоте, так и пала духом. Спасибо коллеге, которая посоветовала ей это место. Точнее, свела с Дарьей, всем тут заправлявшей.

Огромный трехэтажный и очень старый, позапрошлого века, дом находится в поселке Мухино, что по Выборгской дороге. Когда-то он принадлежал академику Сикорскому, очень крупному ученому в области… кажется, органической химии, Александра толком не знала, да и Дарья тоже не вникала в подробности, хотя и жила тут уже второй сезон. Несмотря на то что по календарю было начало апреля, стояла довольно теплая погода. Поэтому, а главное из-за карантина, обитатели дома решили открыть сезон пораньше.

А начиналось все так.

В театр, где Дарья работала не то режиссером, не то завом литературной частью, явилась приятная пожилая женщина, представилась внучкой академика Сикорского и сказала, что ищет интеллигентных людей, чтобы сдать им на лето дом. Денег много не запросила, главное, чтобы люди были приличные.

Всем исключительно повезло, что нарвалась старушка не на Дарью, поскольку Дарья – девица отвязная и вид имела соответствующий. Одевалась эпатажно – то штаны широченные, как у клоуна, да еще в крупный горох, то юбка вроде как вся из заплат. На голове сейчас красовались дреды, а в прошлом году волосы были выкрашены разноцветными перьями. В общем, своим внешним видом запросто могла отпугнуть внучку академика, и тогда не видать бы им никакого дома.

А Дарья и еще кое-кто из театра уж потом подсуетились.

Каждое лето к Дарье приезжал Пабло, ее бойфренд из Аргентины, профессор-славист, работавший не то в Буэнос-Айресе, не то в каком-то другом городе. В этот раз Пабло приехал пораньше, какие-то у них там случились каникулы – и тут, как назло, эпидемия. Границы закрыли, виза у Пабло закончилась, вот и сидел он на даче академика тихо, как мышь под веником.

Вспомнив про мышей, Александра очнулась от мыслей. «Стою тут столбом и размышляю непонятно о чем, а кофе между тем остывает!» Поставив кружку на подстеленную салфетку, она полезла в стол за пряниками.

Стол был тоже старый, хотя и прочный, добротный, Александре удалось пока освободить только один ящик. Застелив его белой бумагой, она хранила в нем сахар, сухари и пряники, причем делала это тайно от соседей, поскольку Дарья строго заявила, что продукты должны храниться только на кухне.

Зачем было введено такое правило, Александра поняла однажды утром, когда, явившись спозаранку на кухню, чтобы выпить воды, увидела на полу следы пребывания мышей. Один хвостатый индивидуум сидел на столе и нахально ел булку из прогрызенного пакета.

Александра от природы была выдержанной и рассудительной, но в такой ситуации какая женщина останется спокойной? Спасло ее только воспитание – неудобно было будить всех соседей в семь утра.

По наблюдениям Дарьи и Лены, мыши появлялись только на кухне, где хранилась еда, поэтому общество постановило в комнаты продукты не носить. Но в другой раз Александра обнаружила ту же мышь в холодильнике – она спокойно ела ветчину из пакета Раевских, а увидев Александру, не спеша удалилась.

Подавив желание немедленно бежать из этого мышиного царства куда глаза глядят, Александра решила питаться только сухими продуктами и держать их в ящике стола академика. Пока мышиных следов в кабинете она не обнаружила, и это вселяло надежду.

Она съела с кофе два пряника, подумала и съела еще один. Плохо, конечно, у нее и так лишний вес, но ничего не поделаешь – карантин… В поселке были кафе, а на берегу залива работали рестораны, но сейчас все было закрыто.

Готовить для себя одной совершенно не хотелось, да и неохота толкаться на кухне среди других хозяек, как в коммуналке. Прямо как в рассказе Зощенко, только примусов не хватает!

Неделю назад коллега из издательства свела Александру с Дарьей, а та отвезла ее на машине посмотреть, как и что.

В Мухине Александра, конечно, бывала. Это курортное место на берегу Финского залива облюбовали в свое время многие знаменитые люди – народные артисты, крупные ученые и деятели культуры. И назвали академический поселок в честь тогдашнего президента Академии наук, выдающегося биолога Мухина.

Однако бывшая дача академика Сикорского находилась по другую сторону железной дороги, где дома стояли на огромных участках за высочайшими, недоступными посторонним взглядам заборами. Многие постройки напоминали роскошные особняки, но попадались и старые дома, хотя тоже большие. Одним из таких и был дом академика Сикорского. Он понравился Александре еще издали, а уж когда вошли в калитку…

Зима в этом году выдалась совершенно бесснежная и удивительно теплая, поэтому дом хорошо просматривался среди высоченных елей и сосен. Летом, как объяснила Дарья, его совсем не видно, так как он терялся в густых зарослях сирени и жасмина.

Сейчас же кусты стояли голые, и яркое мартовское солнце отражалось в цветных стеклах веранды. Александра тут же подумала, как здорово будет, наверное, сидеть вечером на такой веранде и пить чай с пенками от малинового варенья. Насколько она помнила, малинники в Мухине знаменитые, только надо пройтись до Выборгского шоссе, а там собирай хоть ведром, на всех хватит.

Дом имел два этажа, а третьим выступала красивая застекленная башенка. Александра помнила с детства, что раньше в Мухине было много таких домов, построенных еще финнами.

– Ну да, – подтвердила Дарья, – это финский дом, достался академику после войны, а раньше тут была поселковая почта. Так что дому точно больше ста лет.

То ли за домом хорошо следили, то есть вовремя чинили крышу, протапливали зимой и проветривали летом, то ли финны умели строить на совесть, но сохранился дом очень даже неплохо. Краска, конечно, местами облупилась и выцвела, резные столбики у крыльца чуть покосились, а так ничего себе.

Внутри оказалось еще лучше. Из небольшой и темноватой прихожей был проход в кухню и гостиную. Кухня, честно говоря, Александру не впечатлила – все старое и, как потом выяснилось, облюбовано мышами. Зато гостиная – маленькая, но уютная – выходила стеклянной дверью на ту самую веранду, которая так понравилась Александре.

В гостиной стояли полукруглый, заново обитый диван, два кресла и небольшой овальный столик, на который так и просился букет цветов в керамической вазе.

Александра представила, как буквально через месяц на этот столик кто-нибудь поставит букет сирени (пожалуй, сюда лучше подойдет белая), дверь на веранду окажется открыта, а на полу будет отражаться свет от цветных стекол. И воздух, напоенный ароматами, будет прозрачен и чист…

В углу гостиной стояли огромные напольные часы, и поначалу Александра приняла их за узкий шкафчик, против света не увидев циферблата.

Часы не ходили, чему Александра не удивилась, но Дарья, хмыкнув, покрутила что-то сбоку, и тотчас послышался скрежет, как будто внутри часов заворочался кто-то большой и железный, и раздался звон. Часы начали бить, негромко и удивительно мелодично. От этого звука колыхнулись кружевные занавески на окне, а солнце еще сильнее заиграло с цветными стеклышками на веранде.

– Какое замечательное место! – не удержалась Александра от восторженного возгласа.

– Ты еще остального не видела, – усмехнулась Дарья.

Остальное тоже не разочаровало.

На первом этаже было три комнаты. В двух жила Дарья со своим профессором, в третьей – Раевские, Лена и Гена. Они преподавали в колледже, который из-за

карантина перешел на дистанционное обучение.

Александре достался бывший кабинет академика Сикорского. Очевидно, в быту академик был скромен, так как кабинет имел весьма небольшие размеры. Здесь помещались только узкий платяной шкаф, большой письменный стол и диван, глядя на который Александра засомневалась, не будет ли падать с него во сне, до того он был узок. Но умелец Гена что-то там подкрутил и подвинтил, после чего выяснилось, что диван раскладывается. Однако оказалось, что лучше этого не делать, потому что складывать диван было не в пример сложнее. Александра испугалась, как бы у нее потом не вычли за поломку, и решила, что уместится и так.

Над столом висел большой портрет академика Сикорского, с которого тот смотрел так пристально, что Александра, встречаясь с ним глазами, невольно смущалась. Она даже пробовала завесить портрет легким покрывалом, но заглянувшая в комнату Лена сказала, что это плохая примета.

«Как же я буду раздеваться перед сном – диван-то прямо напротив стола?» – задумалась Александра. Пришлось исхитриться: всякий раз, готовясь ко сну, она открывала дверцу шкафа.

Лена Раевская, рыхлая, веснушчатая блондинка прилично за сорок, говорила мало, а все больше хлопотала по хозяйству и обихаживала своего мужа Гену. Кстати, в доме была и ванна, довольно чистая, и даже стиральная машина.

Мебель во всех комнатах стояла не то чтобы антикварная, но старинная, среди которой попадались и довольно приличные вещи. Например, горка с посудой, дверцы которой были украшены матовыми стеклами с вытравленными на них ирисами. Чистый модерн, утверждал Гена, а он в таких вещах разбирался.

Еще одно помещение на первом этаже, которое и комнатой-то назвать было нельзя – так, чуланчик под лестницей, занимал Митя. Ненормальный айтишник, как охарактеризовала его Дарья.

Чулан с круглым окошком под потолком и правда был крохотный, в нем помещались только раскладное кресло, одноногий столик и картонная коробка, где Митя держал свои вещи. Все это Александре удалось разглядеть, когда Митя ненадолго вышел за пиццей. Дверь чулана он всегда держал открытой, с

ноутбуком не расставался никогда и даже за едой стучал по клавишам. Мыши к нему тоже забегали, привлеченные крошками от пиццы. Дарья пробовала ругаться, но Митя на все обращения к нему давал одинаковый ответ: «Мне по фигу!»

Был он довольно неопрятен, но все же иногда мылся, поскольку неприятных запахов не источал, а волосы, которые расчесывал через два дня на третий, завязывал в хвост. Возраст Мити дамы определить не смогли, да и не больно интересовались.

На втором этаже также было несколько комнат.

Две смежные занимали Никита Сергеевич с дочерью Маргаритой. Высокий, с пышными седыми волосами и неизменной тростью с серебряной ручкой в виде сказочной птицы гамаюн, Никита Сергеевич походил на артиста из фильмов прошлых лет, но, несмотря на импозантную внешность, был редкостным брюзгой и занудой. Своим бархатным звучным баритоном он беспрестанно пилил дочь, жаловался на боли в спине, голове и коленной чашечке и вечно был недоволен – то погодой, то шумом, то еще чем-нибудь. Ходил он и правда плохо, тяжело опираясь на трость и проклиная крутую скрипучую лестницу.

Слушая надсадный скрип ступеней и стук трости, Александра однажды спросила у Дарьи, отчего старика не поселили внизу. Дарья пожала плечами и сказала, что они сами выбрали второй этаж – там, мол, просторнее, соседей нет и балкон с видом на сад, летом тенек и пахнет цветами.

Настал черед Александры пожимать плечами. Возможно, летом, сидя на балконе, старикан и угомонится, пока же его ворчание здорово доставало.

Кстати сказать, Маргарита реагировала на отца спокойно – не обижалась, не срывалась, не пускала слезу, а либо во всем с ним соглашалась, либо просто молчала.

Худая, спортивного телосложения Рита работала тренером, но теперь фитнес-центр закрыли и появилась возможность пожить с отцом на природе. Старик же, ясное дело, был давно на пенсии и писал мемуары.

Рассказывая об этом, Дарья фыркнула и добавила вполголоса:

– Насчет мемуаров – полное вранье. Компьютером старик пользоваться не умеет, только изредка царапает ручкой по бумаге, да и то, скорее всего, просто чертиков рисует. Но, с другой стороны, чем бы дитя ни тешилось… Кстати, Рита то же самое говорит.

Последняя комната на втором этаже пустовала. Поговаривали, что в скором времени должен появиться жилец, однако пока никого не было.

Александра услышала деликатный стук в дверь и с изумлением поняла, что за размышлениями съела еще и полпачки сухарей. Нет, так не годится, этак она скоро в двери не войдет! Хотя в этом старом доме двери широкие…

– Саша, – в дверь сунулась Лена, – можно к тебе?

– Заходи, мы тут! – Александра с улыбкой кивнула на портрет академика.

Ей показалось или тот весело подмигнул в ответ? Разумеется, показалось, это просто солнечные блики…

– Я вот о чем хотела сказать, – заговорила Лена, – ты ведь помнишь, что у Даши сегодня день рождения?

Александра об этом благополучно забыла, но сейчас усиленно закивала.

– Даша привезет все для шашлыков, Пабло приготовит, он готовит хорошо, особенно мясо, а с нас – парочка салатов, ну, фрукты помыть, стол накрыть… Выпивки, правда, маловато. Все-таки нас восемь человек… хотя Пабло не пьет, остается семеро, но все равно вина мало.

Пабло пил только кофе и воду, а еще они с Дарьей по вечерам покуривали травку. Про это Лена сообщила под большим секретом сразу после знакомства.

– У меня есть бутылка «Пино Гриджио», – призналась Александра, – взяла с собой, чего дома оставлять…

– Замечательно! Вот и подарок! – обрадовалась Лена. – А я пирог песочный испеку к чаю… у меня свой рецепт. Так пойдем, со столом разберемся!

Заразившись ее энтузиазмом, Александра накинула куртку и вышла в сад. Судя по синему небу и яркому солнцу, день обещал быть если не теплым, то ясным.

Увидев сад в первый раз, Александра восхитилась, какой он большой, на что Дарья заметила: «Это еще что! Вот раньше…»

Выяснилось, что в свое время академику Сикорскому выделили участок аж сорок пять соток – тогда для крупных ученых ничего не жалели, но после смерти академика его поделили наследники. Внучке достался дом и пятнадцать соток при нем, а дальней родне – участок земли с лесом, при жизни академик любил там гулять и даже собирал грибы.

После начала перестройки, когда цена на землю в Мухине, и так очень дорогая, поднялась до заоблачных высот, этот участок был продан, причем весьма выгодно, а потом, очевидно, его перепродали еще раз, да за такую сумму, которую и озвучить-то страшно, и теперь участком владел очень богатый человек, чуть ли не олигарх.

«Ну уж и олигарх, – усомнилась тогда Александра. – У настоящих олигархов небось дворцы в Ницце и виллы на озере Комо, а тут все-таки не Европа…»

Дарья тут же согласилась и призналась, что олигархом они соседа просто так называют, потому что не знают настоящего имени. Дом у него, конечно, большой, красивый, участок обихоженный и охрана при воротах имеется, но без автоматов на изготовку.

За участком же возле дома следила некая Зульфия, которая работала сразу в нескольких домах.

Александра огляделась. Все же в саду была заметна хозяйская рука: деревья аккуратно подстрижены, прошлогодние листья убраны, а на клумбе с южной стороны вовсю цвели белые крокусы и лиловые гиацинты.

На участке находилось и несколько хозяйственных построек: два сарая, длинный дощатый стол под навесом от дождя, возле стола – печь-барбекю.

– Для посиделок! – усмехнулась Дарья и тут же погрустнела, вспомнив, надо думать, какие посиделки они закатывали здесь прошлым летом. Теперь уж такого не будет – карантин…

За домом Александра заметила собачью будку, причем не обычную, а двойную, как коляска для близнецов. Два круглых отверстия темнели, как два ствола охотничьего ружья.

Из одного тут же вылезла большая белая собака и, размахивая пушистым хвостом, подошла познакомиться.

Собак и правда было две, мальчик и девочка, очень похожие, из одного помета. Как рассказала Дарья, их назвали Бонни и Клайд, как героев известного фильма, но вскоре выяснилось, что тот, кто откликается на кличку Бонни, – мальчик, а Клайд, стало быть, девочка, и ее стали звать Клавой.

Клава была очень ласковой и домашней, за ограду не выходила, Бонни же вечно где-то разгуливал, искал приключений на свою голову. Несмотря на высокий забор и закрытые ворота, он всегда непременно находил лазейку и убегал.

Александра остановилась на крыльце и вдохнула холодный терпкий воздух. Все же хорошо за городом на природе! Подошла Клава, посмотрела приветливо и вопросительно, и Александра пообещала ей вечером мясной презент.

День прошел в хлопотах. Дарья укатила куда-то на машине, Пабло заперся в своей комнате, Геннадий уселся перед компьютером проводить удаленную презентацию.

– Это хорошо, – сказала Лена, – от мужчин один беспорядок, а сами мы быстренько справимся.

Рита вымыла стол и принялась вешать разноцветные фонарики, которые нашлись в сарае. Зульфия чистила печку. Лена пекла пирог, а Александру

приставили резать салаты.

К обеду вернулась Дарья, багажник ее машины буквально ломился от мяса разных сортов, купленного у одного из фермеров. Тут же явился Пабло, и Александру с Леной вежливо, но твердо попросили не мешать.

Александра ушла к себе, съела бутерброд с полукопченой колбасой, а потом еще один, запила все это слабым чаем и поняла, что работать сегодня совершенно не в состоянии. Вот интересно: вроде бы и спит достаточно, и явно не переутомляется, но все время хочется прилечь… От воздуха, что ли?

Нет, так дело не пойдет! Нужно прочистить мозги, и для этого был один способ. Проверенный.

Бабушка Александры частенько говаривала в давние времена: «Скажи мне, какие у тебя дома книги, и я скажу тебе, кто ты». Теперь, конечно, это выражение можно было бы перефразировать: «Скажи мне, есть ли у тебя дома книги…» Александра работала в издательстве и, конечно, знала, что люди стали гораздо меньше читать, но про нее саму этого сказать было нельзя. Поэтому по приезде она первым делом принялась искать в доме книги, а найдя в узком коридорчике старинный книжный шкаф, обрадовалась, как в предвкушении встречи со старыми друзьями.

Книги, однако, были малоинтересные: старые, еще советского издания детективы в скучных выцветших обложках, целая полка любовных романов и разрозненная классика. Надышавшись пылью, Александра расчихалась и решила остановиться на розовом томе «Айвенго» Вальтера Скотта («Честь и место леди Ровене!») или уж вовсе впасть в детство и почитать на сон грядущий «Оливера Твиста». У бабушки была такая книга с гравюрами Гюстава Доре, и Александра хорошо помнила картинку, где несчастный Оливер просит добавки.

Но тут торопившаяся на очередную пробежку Рита сказала, что наверху, на площадке возле лестницы в башенку, тоже есть книги.

– Только иди тихонько, – добавила она, – отец спит. Хотя ты тихонько не сможешь… ладно уж…

И убежала, лишив Александру возможности достойно ответить: мол, ты, конечно, весишь, вдвое меньше меня и вся такая подвижная и спортивная, зато я умная и книг прочитала столько, что тебе и не снилось.

Нет, такой ответ не годился. Маргарита могла бы пожать плечами да и сказать, что ей эти книжки без надобности и без них не скучно, а то и вовсе заявить, что если Александра такая умная, то почему такая бедная? И сама не зарабатывает, и мужчину никак не найдет, который будет обеспечивать… На что Александра заметила бы, что Рита вся такая из себя тонкая, звонкая, а тоже одна… Стало быть, не в фигуре тут дело.

«А ведь и правда, нет у Маргариты ни мужа, ни детей. Если бы был хоть какой-нибудь мужчина, не стала бы она так возле папы крутиться», – задумалась Александра, но тут же отбросила эту мысль. Какое ей дело, в конце концов? Тем более Рита, судя по всему, не хотела ее обидеть, а сказала просто так, без всякой задней мысли.

Она поднялась на второй этаж, стараясь ступать неслышно, но не получилось. Впрочем, это не ее вина, такая уж здесь лестница. К тому же Никита Сергеевич не спал, из комнаты то и дело доносились его хриплый каркающий кашель и стук трости.

Стеллаж возле лестницы оказался настоящим Клондайком, и Александра выбрала три книги Агаты Кристи на английском языке. Английский она знала вполне прилично и Агату Кристи любила, так что решила совместить приятное с полезным.

– Маргарита! – позвал старик и, поскольку никто не отозвался, открыл дверь.

Увидев Александру, Никита Сергеевич нахмурился и хотел что-то высказать, но она молча показала ему стопку книг, и настороженность в его глазах исчезла.

– Эти не читаю, – вздохнул он с сожалением, – шрифт мелкий, не вижу уже.

Из чего Александра сделала вывод, что английский для старика не проблема.

Вернувшись к себе, она открыла книгу и углубилась в детектив.

Александра внимательно следила за развитием событий, но внезапно строчки стали расплываться, и она увидела себя стоящей перед большим загородным домом с красивыми резными дверями. Вдруг двери открылись, и появившийся на пороге представительный немолодой мужчина вопросительно поднял брови.

«Да это же самый настоящий дворецкий! И дом – английское поместье, каким его показывают в кинофильмах. Значит, нужно говорить по-английски», – сообразила во сне Александра и произнесла несколько слов, которых сама не расслышала. Однако дворецкий ее понял, склонился в почтительном поклоне и пригласил следовать за собой. Выходит, ее здесь ждали.

Выпрямив спину и подняв голову повыше, Александра вошла в дом и огляделась. В дальнем конце просторного холла извивалась мраморная лестница, на стенах, обшитых темными дубовыми панелями, висели старинные портреты строгих мужчин в завитых париках и бледных дам с напудренными буклями.

Один из портретов показался ей знакомым, и Александра подошла ближе. Величественный старик в черном, наглухо застегнутом сюртуке сидел в кресле, положив крупную руку на трость. Ручка трости была выполнена в виде сказочной птицы гамаюн. Да это же… ну да, конечно, трость та же самая, что у Никиты Сергеевича, и сам он похож… Чудеса, да и только! Но тут Александра вспомнила, что все происходит во сне, и перестала удивляться.

Она перешла к следующему портрету, и в это время послышалось мелодичное бом-бом, которое издавали напольные часы, удивительно похожие на те, что стояли в доме академика Сикорского. Часы шли, но только как-то странно. Александра хотела их рассмотреть, но тут в ее уши ворвался настойчивый стук.

– Саша! Саша, ты там заснула, что ли?

Александра открыла глаза и потрясла головой. Оказалось, она и правда заснула, а книга выпала из рук и теперь валялась на полу. Дверь открылась, и в комнату заглянула Лена в нарядном свитере:

– Все готово, нас ждут! Приходи скорей!

Александра наскоро причесалась, надела просторную блузку с размытым рисунком и свободные брюки, а куртку расстегнула, чтобы было видно, что она

приоделась.

Впрочем, тут же возникла непрошеная мысль, что Александра могла бы этого и не делать, поскольку здесь никому не было дела ни до нее, ни до ее нарядов. Никто на нее не посмотрит, никто не оценит.

Александра уже привыкла к своему одиночеству, в большом городе, где было много работы и существовали коллеги и кое-какие друзья, ей было если не комфортно, то привычно. Здесь же, в незнакомом месте, с незнакомыми людьми она чувствовала себя лишней. Подобные мысли приходили, конечно, не всегда, но слишком часто, однако сегодня Александра решила в них не углубляться и не жалеть себя. Это она всегда сделать успеет, а пока надо повеселиться, поесть изумительных шашлыков, выпить вина.

Стол и правда получился очень приличный, а уж мясо, которое приготовил Пабло по своему особенному рецепту, было выше всяческих похвал.

Виновница торжества нарядилась в длинный, почти по колено свитер, связанный в стиле ирландского кружева.

– Дизайнерская вещь! – гордо сообщила Дарья. – Ручная работа!

Сегодня ее дреды не топорщились воинственно, а свободно спускались по спине, глаза были подведены чуть не до висков, а на веках блестели радужные тени.

– Хороша! – от всей души сказала Александра, вручая бутылку «Пино Гриджио». – Хороша, аж слезы душат!

Настроение у всех было приподнятое, даже Митя отставил в сторону свой ноутбук, а Никита Сергеевич не ворчал и не хмурился как обычно. Возле печки было тепло, и цветные фонарики освещали лица, которые в полутьме казались моложе и таинственнее.

Когда в саду похолодало, Александра поплотнее закуталась в куртку, ноги грела лежавшая под столом Клава. Второй пес, Бонни, как только по саду поплыл запах жареного мяса, возник словно из небытия, получил свою порцию и тут же

исчез.

Рита сбегала в дом и принесла отцу теплый шарф. Гена ненадолго удалился с таинственным видом и вернулся с бутылкой французского коньяка, которая была встречена радостными криками. Веселье продолжалось, однако Александра заметила, что Никита Сергеевич выглядит утомленным, а Гена пару раз потер виски – видно, голова разболелась. Александра и сама подумывала, что неплохо бы уйти, пока ванная свободна, но неудобно было оставлять Лену одну убирать со стола.

Дарья вдруг поднялась с бокалом в руке, обвела всех сияющими глазами и воскликнула:

– Можно, я тост скажу?

– Тебе сегодня все можно! – разрешил Гена и приготовился слушать, заранее натянув на лицо вежливую улыбочку.

– У нас ведь сейчас что?

– Как – что? – фыркнула Лена. – Днюха твоя! Ты же сама сказала…

– Нет, – Дарья хитро прищурилась. – У нас не просто днюха! У нас, девочки и мальчики, пир во время чумы!

– Ну, Дашутка, это уже перебор! Это все-таки не чума… – попытался ее урезонить Гена. Улыбка с его лица сползла, сменившись брезгливой гримасой.

Но Дарья никого не слушала. Вскочив на стол и отбивая ритм ногой, так что тарелки и бокалы подскакивали, звякая и брякая, она запела хриплым, гортанным голосом:

Царица грозная, Чума

Теперь идет на нас сама

И льстится жатвою богатой;

И к нам в окошко день и ночь

Стучит могильною лопатой…[1 - Пушкин А.С. Пир во время чумы.]

«Напилась, – поняла Александра, – и теперь ее тянет на подвиги. Как бы драку не спровоцировала, как бы к мужикам не стала цепляться…»

– Ну, Даш, перестань, прошу! – поддержала мужа Лена. – Сколько можно? И так на душе муторно от всех этих новостей, а тут ты подливаешь масла в огонь… Хорошо так сидели…

– Кстати, Леночка, передайте мне еще кусочек вашего пирога, пожалуйста! – обратился к ней Никита Сергеевич. – Знаю, что вредно, но так вкусно…

Как от проказницы Зимы,

Запремся также от Чумы!

Зажжем огни, нальем бокалы,

Утопим весело умы

И, заварив пиры да балы,

Восславим царствие Чумы![2 - Там же.] –

Дарья вдруг бросила бокал на землю, топнула ногой и закрутилась быстро-быстро. Замелькали узелки ирландского кружева, брызнула вода, упала и покатилась пустая бутылка… Митя едва успел подхватить свой ноутбук.

– Да угомонись же ты! – крикнул Гена, но Дашка и не подумала подчиниться, а может, просто не слышала.

Александра скосила глаза на Пабло – самое время ему сейчас вмешаться, но тот не сдвинулся с места. Как курил с невозмутимым видом, сидя в сторонке на старом деревянном шезлонге, так и продолжал. На лице его было самое умиротворенное выражение. Ветерок донес до стола терпкий, сладковатый дым. Так и есть, травка. Значит, ему уже все по фигу, как выражается Митя.

– Ну, Дашка, это уже не смешно! – Лена встала, собрала со стола объедки и понесла в дальний конец участка, где у Зульфии была устроена компостная куча.

Дарья же все не унималась. В глазах ее горел бесовский огонь, дреды разметались, голос стал пронзительным:

Все, все, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит

Неизъяснимы наслажденья –

Бессмертья, может быть, залог!..[3 - Пушкин А.С. Пир во время чумы.]

От нее исходила такая волна страсти, что Александра, заметив на лице Геннадия неподдельный интерес, забеспокоилась. Пабло-то, может, и по фигу, но вот как все это воспримет Лена… Дашка прямо нарывается на скандал!

И тут перед столом возникла Лена. Лицо ее было белым, как маска Пьеро, и только веснушки проступили особенно четко – как негатив августовского звездного неба. Глаза круглые и безумные, рот приоткрыт, а губы трясутся.

Из-под стола выскочила Клава и тоскливо завыла. Рита прикрикнула на собаку, но та, хоть и замолчала, снова убраться под стол не захотела. Видно, боялась пропустить что-нибудь интересное.

– Лесик, что с тобой? – Гена подбежал к жене и схватил ее за руки. – Тебя что, змея укусила? Тогда нужно как можно скорее в больницу, каждая минута дорога!

– Змей сейчас еще нет, – авторитетно заявил Никита Сергеевич, – для них еще слишком холодно.

Лена сбросила руки мужа, показала в ту сторону, откуда пришла, и наконец произнесла едва слышно:

– Это… это не змея… там… там…

– Да что там такое? – Дарья была явно недовольна, что ее выступление прервали в самом разгаре.

– Там… там… – повторяла Лена.

– Ну что ты заладила – там, там… – поморщилась Дарья, спрыгивая со стола. – Тамтам – это африканский барабан!

– Сами посмотрите! – Лена вскинула голову и в упор посмотрела на Дарью, а затем развернулась и пошла в сторону компостной кучи, сделав всем недвусмысленный знак следовать за ней. Своего мужа, пытавшегося взять ее за руку, она довольно грубо оттолкнула.

Тем не менее верный Гена побежал за ней. Дарья, недоверчиво хмыкнув, двинулась следом, Александра тоже пошла. Наконец не выдержал и Никита Сергеевич, присоединился к остальным, тяжело опираясь на трость. За ним побежала Рита. Последней трусила Клава – под столом все равно больше нечего было делать.

И только Пабло, никак не отреагировав на шум, вытянулся в шезлонге и, похоже, ушел в нирвану.

Лена подошла к забору и остановилась. На земле, рядом с компостной кучей Зульфии, лежала какая-то бесформенная груда. Приглядевшись к ней, Александра поняла, что это человек, лежавший в позе эмбриона.

В первый момент Александре показалось, что он спит, но потом она заметила темное пятно, расплывшееся по его толстовке, и белесые края белков, проглядывающие из полуопущенных век, и поняла, что этот человек мертв.

Вся компания столпилась вокруг мертвеца, не издавая ни звука и даже, кажется, не дыша.

– О господи… – наконец выдохнула Рита и этим восклицанием как будто сняла заклятие – все разом заговорили.

– Кто он такой? – спросила Александра.

– Как он сюда попал? – задумчиво произнес Митя.

– Откуда он здесь взялся? – одновременно с ним выпалил Гена и подозрительно взглянул на жену.

– А я откуда знаю? – огрызнулась та, обретя дар речи. – Что ты на меня так смотришь? Я подошла, чтобы объедки выбросить, а он тут уже лежит…

– Надо полицию вызвать! – отчеканил Гена. – И «скорую», вдруг он еще жив? Пускай кто-нибудь ему пульс проверит…

– Сам и проверь! – резко ответила Лена. – А я к нему не прикоснусь! Ни за что!

– А я пульса не найду! – жалобно сказала Александра.

– Эх вы! – растолкала всех Рита и, склонившись над мужчиной, потрогала его шею. – Мертвый. Убили его, – она указала на кровавое пятно.

– Вот я и говорю – надо полицию вызывать! – подал голос Гена.

– Что?! – вскрикнула Дарья.

– А как же иначе?

– Да вы сами подумайте – приедет полиция, начнет у всех проверять документы, а тут – Пабло! Представьте, что с ним будет!

Ведьминский огонь исчез из Дарьиных глаз, голос стал обычным, и даже дреды как-то пригладились.

Все дружно повернулись к Пабло, который молча стоял в сторонке, смущенно опустив глаза. Значит, все же очухался и притащился за всеми.

– Документы проверят, а у него виза давно закончилась! – горячилась Дарья. – Неприятности же будут!

Александра хотела сказать, что неприятности уже есть, причем у всех, и это еще мягко сказано, учитывая труп, но промолчала.

– Ага, – скривился Гена, – а как узнают, что он торчок, так сразу покойника на него и повесят. Ментам главное – убийство по горячим следам раскрыть, виновного найти, а что отпирается, так просто под кайфом был, не помнит ничего.

– Кто торчок? Пабло – торчок? – Дарья мгновенно стала похожа на рассерженную кошку и пошла на Гену.

Дреды ее снова встали дыбом, и кажется, даже когти на руках появились. Геннадий в растерянности отступал.

Между ними быстро встряла Рита.

– Тише вы! Нашли время скандалить! Ты успокойся, – бросила она Дарье, – а ты, – кивнула на Гену, – не болтай лишнего.

Все молчали.

– Опять же, понаедет куча народу… – задумчиво протянул Митя. – Мы сюда зачем приехали? Чтобы дистанцироваться от остальных и не заболеть. А если сюда набегут полицейские, эксперты всякие – где уж тут уберечься?

Все уставились на него в изумлении: впервые за все время Митя сказал разумные вещи, а раньше держался индифферентно, словно ему было все равно.

– Вот что, – решительно заявила Рита, – у нас здесь демократия. Давайте проголосуем – вызывать полицию или нет. Как большинство решит, так и будет.

– Я категорически против! – выпалила Дарья, сверкнув глазами. – Я уже сказала, у Пабло будут большие неприятности. Так что никакой полиции…

– Вы с Леной, выходит, за? – Рита повернулась к Гене.

Гена кивнул:

– А как же иначе?

– Чего это мы за? – Лена отодвинула мужа и посмотрела на него раздраженно. – Ничего мы не за! Мы против!

– А почему? – неуверенно пролепетал Гена. – Почему мы против? Здесь же труп… это же убийство… это же преступление… как же не вызывать?

– Именно что труп! А кто его нашел? Я! А у полиции первый подозреваемый – тот, кто нашел!

– Почему?

– Это все знают, в каждом фильме показывают! То есть ты, Геночка, конечно, можешь голосовать как тебе угодно, но потом будешь спать на том диване, что у окна! – и Лена демонстративно отошла от мужа в сторону.

– Нет, поче-ему… – заблеял Гена, – я не против… то есть я тоже против… я как-то не подумал, какие могут быть последствия… короче, мы за то, чтобы не вызывать.

– Ты? – Рита повернулась к Мите.

– Мне по фигу, – затянул тот старую песню. – Как хотите, так и делайте.

– Будем считать, что Митя тоже против полиции… – уверенно заявила Дарья.

– Вообще-то, он скорее воздержался…

Клава, которая вертелась под ногами, охваченная общим возбуждением, негромко тявкнула.

– Вот и Клава к нам присоединяется! – усмехнулась Рита и оглядела оставшихся.

– Я тоже категорически против! – заявил Никита Сергеевич, не дожидаясь вопроса. – Никакой полиции! Я сюда приехал, чтобы спокойно поработать… если

набежит полиция, начнут задавать вопросы, никакой работы не будет. Плюс вероятность заразиться. Так что мы с Ритой против полиции. Так, Рита?

– Так, – та опустила глаза. – Значит, все против… – Но тут она вспомнила про Александру и смущенно проговорила: – Извини, я тебя не спросила. Ты как – за или против?

– Я присоединяюсь к большинству, – Александра пожала плечами, – все равно мой голос ничего не решает.

– Значит, все против.

– Почему все? – вдруг заговорил Пабло. – Я считаю, что нужно вызвать полицию!

– Ты что, Павлик? – подскочила к нему Дарья. – Я же ради тебя… это же у тебя будут проблемы…

– Что поделать? Значит, будут. Но закон есть закон. Нельзя ставить свои интересы выше закона. Этот человек убит – поэтому нужно вызывать полицию.

Пабло говорил, как всегда, без акцента, но чересчур правильно, так что сразу становилось ясно, что он иностранец.

– Ну ты даешь! – Дарья схватилась за голову.

– Так, – перебила ее Рита, – значит, что мы имеем? Шесть человек за, один против и один воздержался. Большинством голосов решено полицию не вызывать. Все поняли? – она обвела присутствующих строгим внимательным взглядом. – Ты понял, Митя?

– А мне по фигу.

– Пабло?

– Я понял. Демократия есть демократия. Нельзя ставить свое мнение выше мнения большинства. Раз большинством голосов решили не вызывать полицию – значит, так и будет.

– Так и будет, – подвела итог Рита, – но тогда возникает следующий вопрос: что делать с трупом?

Все замолчали, отводя глаза от неподвижного тела.

– А делать что-то нужно. И срочно. Потому что завтра придет Зульфия, и она точно вызовет полицию.

Рита снова повернулась к Дарье.

– А что это ты на меня смотришь? – Дарья взглянула на нее исподлобья. – На что это намекаешь?

– Ты убедила всех, что не нужно вызывать полицию – значит, ты и должна придумать, что с ним делать. Всем известно, что инициатива наказуема.

– Ох, ни фига себе! – Дарья запустила пальцы в дреды. – Ну и день рождения получился! В общем, погуляли!

Рита по-прежнему не отводила от нее взгляда, и Дарья в конце концов кивнула:

– Ладно, есть у меня идея, только вы мне поможете. Вы ведь все голосовали…

– Поможем! – ответила за всех Рита.

– Значит, так… – Дарья потерла руки, она снова была полна энергии и своего неугасающего оптимизма. – Нужно его подбросить соседям.

– Вот этим? – Лена недоверчиво ткнула пальцем в высоченный забор, отделяющий участок покойного академика от владений благополучно здравствующего «олигарха».

– Ну да, а каким же еще? У них… то есть у него наверняка большие возможности. И нужные знакомства. Он придумает, как избавиться от тела. Главное – это будут его проблемы, а не наши.

– И как ты это представляешь? – протянула Лена скептически. – Перебросим труп через забор? А они с той стороны будут спокойно на это смотреть?

– Да уж… – пробормотала Александра.

Вчера, проходя мимо участка соседей, через открытые ворота она видела широкую, выложенную плиткой дорогу к дому, вдоль которой были установлены фонари. Наверняка весь участок хорошо освещен…

– Перебросить? – Дарья с сомнением взглянула на забор. – Нет, перебросить, пожалуй, не получится. Сил не хватит. Если только соорудить катапульту, но я не уверена, что мы сможем. И потом, это же нужно сделать быстро…

– А как же тогда?

– Нам понадобится тачка.

– У Зульфии есть! В том сарайчике, где она свое хозяйство держит! – оживилась Лена.

– Митя, давай сюда эту тачку… и еще лопату прихвати, там наверняка есть. Ты у нас покрепче других будешь, – Дарья пренебрежительно покосилась в сторону Геннадия, который после отповеди Лены притих.

Пабло стоял в стороне и делал вид, что его ничего не касается. Никита Сергеевич мрачно молчал.

– Ты собираешься делать подкоп? – удивилась Александра. – Вот под этот бетонный забор? Да мы до утра провозимся – и ничего не получится! Тут экскаватор нужен!

– Спокойно, – усмехнулась Дарья, – все учтено могучим ураганом. Это здесь забор крепкий, а вон там, в стороне, он пожиже будет, Бонни постоянно под ним роет. Верно, Клава?

Клава согласно мигнула.

– А сигнализация? – осмелился спросить Гена. – У них ведь должна быть сигнализация по периметру.

– Сигнализация только сверху, если кто через забор полезет, – вмешалась Рита. – Я слышала, как охранники ругались, мол, задолбались сигнализацию отключать всякий раз, когда к ним кобель соседский пролезает. Хотели пристрелить его, но хозяин запретил.

– Животных, значит, любит… – с непонятной интонацией проговорил вдруг Никита Сергеевич.

– Уж не знаю, а только закоротили они сигнализацию с той стороны, где Бонни лазит. Только яму иногда засыпают, но он снова разрывает.

Через пару минут невозмутимый Митя прикатил железную дребезжащую тачку и припарковал ее рядом с покойником. Поперек тачки лежала лопата.

– Кто-нибудь помогите мне, он тяжелый…

Откликнулись Дарья и Рита. Втроем они подняли покойника и свалили его в тачку, а Дарья принялась деловито ощупывать его карманы.

– Дашка, ты что? – испуганно пискнула Лена. – Разве можно? У покойника…

– Ты что подумала? – Дарья зло покосилась на нее. – Я хочу узнать, кто он такой…

– Ну и как?

– А никак! В карманах ничего! Ни бумажника, ни документов… даже телефона нет.

– Странно… – протянул Гена. – Очень странно. Кто выходит из дому без бумажника?

– И тем более без телефона! – поддержала мужа Лена. – В наше-то время!

– И правда странно… – Дарья проверила последний карман. – И тут ничего… ладно, повезли!

Вдвоем с Митей они покатили тачку вдоль забора, каждый держался за одну ручку. Следом шла Лена с лопатой на плече, рядом с ней семенила Клава, преданно заглядывая в глаза.

В дальнем углу участка, за тем самым сараем, где Зульфия держала садовый инвентарь, росли густые кусты сирени. При виде них Клава стала взволнованно поскуливать.

– Вон там, за этими кустами… – кивнула Дарья.

За ними действительно оказалась неглубокая яма, уходящая под забор.

– Видно, Бонни совсем недавно подрыл, земля свежая…

Клава зевнула во всю пасть и отвернулась, делая вид, что не имеет к этому никакого отношения.

– Ну, сюда наш покойник не пролезет! – уверенно заявила Рита, осмотрев подкоп.

– Значит, нужно яму немного расширить.

Клава принялась старательно выкусывать блох.

– Не бойся, тебя никто не заставит! – успокоила ее Дарья и повернулась к Мите: – Митенька, ты ведь у нас настоящий мужчина, правда?

– Смотря что тебе нужно.

– И ты не боишься испачкать штаны?

– Да мне по фигу.

– Ну, тогда, может, расширишь этот собачий лаз? Расширишь и углубишь?

Митя взглянул на забор и опасливо проговорил:

– А у них точно нет сигнализации?

– Да нет, я же объясняла! – рассердилась Рита. – Если бы была, она бы давно уже среагировала на собак. А поскольку тишина…

– Твоя правда! – выдохнул Митя и взялся за лопату.

Через десять минут подкоп стал достаточно широким и глубоким, чтобы через него мог проползти человек средней комплекции.

– Ну-ка, проверь…

Митя пролез в подкоп и какое-то время не подавал признаков жизни.

– Ты куда пропал? – окликнула его Дарья, сунув в подкоп голову.

Митя тут же выполз, грязный, но довольный.

– У них там круто! Фонари вдоль дорожки и у дома, а этот участок как раз темный. Но только вдвоем с покойником мы не пролезем, я один-то с трудом прополз…

Даша, как всегда, была полна идей:

– Вот как мы сделаем…

Она снова посетила сарай Зульфии и, найдя там моток веревки, отрезала от него кусок нужного размера, а затем обвязала покойника, пропустив веревку у него под мышками. Безотказный Митя снова пролез на соседний участок и потянул покойника за веревку. До середины труп пролез без проблем, но потом застрял.

Митя тянул за веревку, Дарья толкала ноги, и в конце концов покойник благополучно переместился к соседям.

Митя снял с него веревку и вернулся. На своей стороне он был встречен аплодисментами.

– Ну что, все? – протянул Митя, отряхивая одежду от налипшей на нее земли.

– Еще не совсем! – Дарья снова взялась за лопату. – Нужно засыпать подкоп, а то соседи сразу поймут, откуда он появился. – Но увидев унылую физиономию Мити, смягчилась: – Ладно, это я сама.

Клава стояла рядом, с грустью наблюдая, как закапывают подкоп, и раздумывая, как же теперь Бонни попадет домой.

– Ну вот, дело сделано! – удовлетворенно проговорила Дарья, бросив последний пласт земли. – По этому поводу нужно выпить…

– Я пас! Спать пойду! – Митя направился к дому.

Следом потянулись остальные.

– Ну вот, и так каждый раз! – вздохнула Дарья и покосилась на Клаву. – Может, хоть ты, подруга?

Но Клава сделала вид, что не поняла предложения, и убежала по своим собачьим делам.

Колокола церкви Святого Лаврентия прозвонили седьмой час. За окном протарахтела повозка зеленщика, раздался звонкий голос точильщика. Мастер Генрих Вайсберг на мгновение оторвался от своей работы и прислушался к шагам за дверью.

Дверь мастерской открылась, и Верзила Фриц заглянул в комнату:

– Так что, хозяин? Там пришел тот человек… ну, тот, про которого вы говорили…

Фриц не успел договорить, потому что его отодвинул худой сутулый господин в черном, потертом на локтях сюртуке с густо осыпанными перхотью плечами, с крючковатым носом и маленькими, глубоко посаженными глазами. Неаккуратный парик был сбит на сторону, из-под него торчали собственные волосы – редкие, рыжевато-седые.

Мастер Вайсберг вскочил и проговорил растерянно:

– Герр Якоби, какая честь для меня… если бы я знал, что вы сегодня придете…

Из-за плеча незваного гостя высунулась лопоухая голова Фрица:

– Я сказал, как вы велели, – что вас нет дома, да он не стал слушать…

– Можешь идти, Фриц! – раздраженно проговорил хозяин.

Фриц скрылся. Герр Якоби вошел в мастерскую, деловито огляделся по сторонам.

– Итак, господин Вайсберг, я полагаю, вы приготовили для меня деньги?

– Нет, герр Якоби… так неудачно, герр Якоби… если бы вы пришли позавчера или даже вчера, я мог бы заплатить вам двадцать или даже тридцать талеров, но сегодня, как назло, у меня нет ни пфеннига… все деньги ушли…

– Вы прекрасно знаете, – прокаркал незваный гость, как простуженная ворона, – прекрасно знаете, что должны мне не двадцать и даже не тридцать талеров. Вы должны мне сто пятьдесят. И срок истек уже на прошлой неделе…

– Но, герр Якоби… может быть, завтра я смогу… или лучше послезавтра… мне заплатят за работу…

– Завтр-ра, говорите? – прокаркал герр Якоби. – Но, как я сказал, срок вашего долга истек еще на прошлой неделе. Я ожидал, что вы придете, чтобы рассчитаться, но не дождался и пришел сам. И что я слышу? Что вы не хотите

отдавать долги!

– Что вы, герр Якоби! Как можно! Я всегда вовремя возвращаю долги, вы же знаете… я верну, я непременно верну…

– Еще бы, вы непременно вернете. Так или иначе, вернете… вы сказали – завтра? Пусть будет завтра…

– Ну, лучше через неделю. Через неделю будет вернее…

– Хорошо, пусть через неделю…

Мастер Генрих удивился подобной покладистости кредитора, но потом расслышал в его голосе угрожающие нотки и насторожился. И его опасения тотчас же оправдались.

– Пусть будет через неделю, – повторил герр Якоби. – Но вы должны будете уже не сто пятьдесят талеров, а двести. Если не вернете мне всю сумму – вам придется расстаться со своим прекрасным домом. И со своей мастерской…

– Но помилуйте… если я лишусь мастерской – где я буду работать? Как я смогу заработать на хлеб насущный? Как я смогу расплачиваться по счетам?

– Это ваше дело, герр Вайсберг. Ваше дело. Раньше нужно было думать. Долги нужно отдавать вовремя. Иначе пеняйте на себя. Вы лишитесь дома или отправитесь в долговую тюрьму… там не очень-то приятно… сырые, холодные каменные стены, крошечное оконце, суровые надзиратели…

– Нет, герр Якоби, я вам все отдам! Все отдам! Все-все до последнего пфеннига!

– Прекрасно. Значит, через неделю – иначе я пришлю к вам судебных оценщиков!

Герр Якоби удалился, а точнее, исчез, словно призрак.

Призрак разорения, призрак нищеты.

Мастер проводил его тоскливым, безнадежным взглядом, затем взял себя в руки и принялся за работу. Работать, работать, только в работе спасение… только работа поможет ему удержаться на плаву… если бы только появилась парочка хороших заказчиков…

Но хорошие заказчики последнее время обходили дом Генриха стороной. Они теперь предпочитали его конкурента, этого наглого выскочку Шульца. За последний месяц Вайсбергу заказали только одни часы, и те стоят не больше пяти талеров.

Но сейчас мастер занимался старыми напольными часами, которые остались ему в наследство от его учителя, старика Клауса. Часы эти давно не ходили, их стоило бы выбросить, но учитель их почему-то очень ценил и говорил, что Вайсберг тогда станет настоящим мастером, когда сможет их починить… и еще перед самой смертью он говорил, что часы эти особенные, что они – самое дорогое, что он может оставить своему любимому ученику. Но это он, скорее всего, бредил.

Той ночью Александра очень долго не могла заснуть, потому что старый диван при каждом ее движении безбожно скрипел и впивался в бока пружинами, а когда же все-таки уснула, ей приснился мутный и странный сон.

Дарья в индейском головном уборе из разноцветных птичьих перьев ехала верхом на огромном медведе. За спиной у нее, очевидно вместо ружья, висела ржавая лопата. Внезапно грунтовая дорога, по которой бежал медведь, начала вспучиваться большими рыхлыми горками, как будто под землей работали десятки огромных кротов.

Горки росли и росли, а потом начали рассыпаться, но вместо кротов из них выглядывали живые люди – Гена и Лена, Рита и Никита Сергеевич, Митя и Пабло…

Последней из земляной горки выбралась Клава с зажатым в зубах большим черным пистолетом. Встав на задние лапы, она взяла пистолет передними и выстрелила. Но вместо выстрела раздался гулкий звон, каким обычно отмеряют время старинные часы…

И Александра проснулась.

За стеной действительно били часы – те самые, напольные в гостиной. Вообще-то часы не ходили, очевидно, был сломан механизм, но когда их кто-то заводил, они начинали бить, причем весьма мелодично, независимо от того, какое время показывают стрелки, и каждый раз это было разное количество ударов.

Александра приподнялась и оглядела комнату.

К счастью, на этот раз в ней никого не было – ни живого человека, ни привидения. Только покойный академик строго взирал на нее со своего портрета. Да, сегодня академик имел право быть недовольным, учитывая, что произошло в его доме.

Александра вспомнила события вчерашнего вечера – труп, сиротливо скорчившийся на земле, растерянные, потрясенные лица соседей…

Может быть, ей это приснилось?

Нет, слишком уж отчетливо она помнила и сам труп, и то, как вся компания спорила, что с ним делать, и то, как его везли на тачке, а потом протаскивали к соседям через прорытый собаками лаз, чтобы избавиться от тела и от связанных с ним проблем…

Возможно, им это все же удалось?

Александра поднялась, торопливо оделась и, прихватив полотенце, вышла из комнаты.

В коридоре разговаривали Зульфия и Рита.

– Так вы ночью ничего не слышали? – строго спросила Зульфия. – Совсем ничего?

Александра замерла, сердце у нее тревожно забилось.

– Ничего! – фальшиво-честным голосом заверила Рита. – Но вообще-то я очень крепко сплю… Вы вот Александру спросите, может, она что-то слышала.

Александра незаметно показала Рите кулак.

Зульфия повернулась к ней:

– Вы ночью ничего не слышали?

– А в чем дело-то? Что-то случилось?

– Случилось, очень даже случилось! В мой сарай ночью кто-то влез, тачку выкатил, веревку украл!

– Ах, в сарай! – Александра вздохнула с облегчением. – Нет, я тоже ничего не слышала.

– Крепко же вы спите! – проворчала Зульфия.

– А мы вчера гуляли! – весело сказала Рита. – Выпили, конечно, ну и спали как убитые!

Александра едва сдержалась, чтобы не охнуть.

Зульфия осуждающе поджала губы и наконец выкатилась на улицу, заниматься своими повседневными делами. Проводив ее испуганным взглядом, Александра проговорила, понизив голос:

– А я уж испугалась, что она насчет этого… вчерашнего… А что, пока тихо? У соседей ничего не слышно?

– Не слышно и не видно. Хочешь, пойдем из башни посмотрим, – и Рита покосилась на винтовую лестницу, ведущую в башенку.

Александра согласилась.

Круглая небольшая башенка изнутри напоминала беседку, поскольку была застеклена со всех сторон. Посредине стоял круглый стол, накрытый старой плюшевой скатертью, на нем – фаянсовый кувшин с отбитой ручкой. Цветов в

нем не было. Вдоль одной из стен шел узкий диванчик.

– Очень мило! – не удержалась Александра.

– Ну да… – Рита приникла к окну.

Из башенки была хорошо видна бо?льшая часть соседнего участка, в том числе и тот угол, куда они вчера подбросили покойника.

– Может, они еще не встали? – предположила Александра.

– Какое там! Это мы сегодня припозднились после вчерашнего застолья, а у них давно уже все на ногах. Но никакой суеты, никакой полиции.

– Может, они еще не нашли… это?

– Сомневаюсь! И видишь же, что на том месте этого уже нет. Если хочешь – посиди тут, понаблюдай. Только тихонько – Никита Сергеевич еще спит.

Но и сидеть тут вроде бы было незачем. Проснется старик, станет ворчать, или еще эти, с соседнего участка, увидят… Нет, лучше не привлекать к себе внимания.

– Я с тобой, – сказала Александра, увидев, что Рита спускается.

На первом этаже все еще спали. Александра проследовала в ванную, привела себя в порядок, потом на кухне вскипятила чай, вернулась с чашкой к себе и, достав из ящика стола печенье, уткнулась в потрепанный томик Агаты Кристи.

Незаметно прошло около часа.

Александра вдруг спохватилась, что сидит в душной комнате, когда можно дышать свежим весенним воздухом, и вышла в коридор, где едва не налетела на Лену Раевскую. Та с сонным, как обычно, выражением лица вяло поздоровалась и хотела уже скрыться в ванной, но тут распахнулась входная дверь и на пороге появился незнакомый мужчина – рослый блондин лет сорока, в поношенных джинсах и синей спортивной куртке, с растрепанными, давно не стриженными

волосами и всклокоченной бородой.

– Здрасте! – приветливо улыбнулся он женщинам. – Я Сергей.

– С чем вас и поздравляю! – фыркнула Александра.

Незнакомец ей определенно не понравился – какой-то неопрятный, неухоженный, похожий на большого непослушного щенка. Александра подумала, что, когда он ест, в его клочковатой бороде наверняка застревают крошки. И вообще, кто он такой и зачем сюда явился?

– Сергей? – сонно протянула Лена. – Какой Сергей?

– Сергей Фомин. Вам, наверное, звонила Белла Юрьевна?

Александра вспомнила, что Белла Юрьевна – та самая внучка академика, которая пустила их жить в этот дом. Значит, надо понимать, светловолосый незнакомец – еще один их сосед, тот самый, который должен занять свободную комнату на втором этаже.

В этот момент из ванной, завернувшись в большое полотенце, вышла Дарья. Увидев незнакомца, она сначала смутилась, но тут же засияла:

– Звонила, звонила, только я совсем забыла… Значит, вы Сергей, да?

– Да, Сергей Фомин. Могу вам паспорт показать.

– Паспорт? – Дарья поморщилась. – Зачем? Мы не в полиции. Раз Белла Юрьевна звонила, значит, все в порядке. Она говорила, что вы еще во вторник приедете.

– Ну, а я вот сегодня… так дела сложились.

– Вы… А можно на ты? У нас тут все попростому. Как говорится, товарищи по несчастью…

– Что за вопрос!

– Ты на машине? Тебе, наверное, нужно ворота открыть?

– Нет, я не на машине. Своим ходом добрался. Вот все мои вещи… – Сергей сбросил на пол рюкзак.

– Пойдем, я покажу твою комнату… – Дарья вместе с новым соседом пошла было по лестнице на второй этаж, но спохватилась, что на ней одно полотенце, и рассмеялась: – Я сейчас!

Пока они разговаривали, Лена успела уйти к себе, и Александра, оставшись с вновь прибывшим одна, попыталась завести разговор:

– Вы надолго приехали?

Она ожидала, что Сергей расскажет, кто он такой, кем работает и почему имеет возможность жить за городом, однако тот ответил коротко:

– Как получится.

И больше ни слова. Тут весьма кстати вернулась Дарья и потащила нового соседа на второй этаж. Через минуту оттуда донесся ее оживленный голос.

Александра проводила их взглядом и вышла на крыльцо.

Ярко светило солнце, в кустах щебетала какая-то жизнерадостная пташка, и жизнь показалась прекрасной и удивительной, несмотря ни на что. Даже на карантин. А события вчерашнего вечера ясным весенним утром казались просто нереальными.

Недалеко от крыльца Зульфия сгребала в кучу прошлогодние листья. Вроде бы все было чисто, а вот опять откуда-то налетели. Заметив Александру, она остановилась, оперлась на грабли и заговорила обиженным, недовольным голосом:

– Опять авария на подстанции. Электрички не ходят, и никто не знает, когда пойдут…

– Не ходят? – машинально переспросила Александра. Ей совсем не хотелось сейчас разговаривать с Зульфией, но хорошее воспитание, как всегда, мешало жить. – И давно? – проговорила она, исключительно чтобы поддержать разговор.

– Со вчерашнего вечера. Племянница моя, Зухра, должна была уехать, ее жених в городе ждет, и вот застряла.

Тут Александра насторожилась:

– А электрички в обе стороны не ходят? Ни в город, ни из города?

– Само собой. Я же говорю – авария на подстанции. А жених у Зухры такой строгий, может на нее очень рассердиться. Опять же, этот… корон-тин, мало ли, его задержат…

– Но тогда…

Александра хотела спросить, как же тогда добрался их новый сосед, но вовремя прикусила язык.

Возможно, Сергей приехал не на электричке, но тогда на чем? На попутке? Или правильнее задать вопрос не на чем, а когда? Может, он приехал не сегодня, а еще накануне, до того, как случилась авария.

Но тогда…

Связан ли он как-то со вчерашним событием? С тем трупом неизвестного, который они нашли во время Дашкиного дня рождения?

Александра не додумала эту мысль, потому что ее отвлекла Клава. Собака подбежала к ней, шумно дыша и сжимая в зубах корявую палку. Все ясно, просит, чтобы с ней поиграли! Александра взяла палку у собаки, размахнулась и бросила подальше, в сторону забора. Клава радостно залаяла и умчалась, но через полминуты вернулась с той же палкой в зубах и с той же немой просьбой во взоре.

Александра снова бросила палку, на этот раз чуть дальше.

Клава помчалась с радостным визгом, но на этот раз задержалась возле забора, рядом с компостной кучей, возбужденно скуля и взлаивая.

– Ну что, потеряла свою игрушку? – проговорила Александра и направилась к собаке.

Клава тихонько тявкнула, ткнула носом куда-то в жухлую прошлогоднюю траву и подняла на Александру выразительные глаза. На ее морде словно было написано: «Смотри, что я здесь нашла!»

Александра наклонилась и заметила в траве небольшой ключ – старинный, медный или бронзовый, с красивой фигурной бородкой.

– Откуда он здесь? – вполголоса проговорила Александра, разглядывая находку. – Кто-то его потерял?

И тут она осознала, что стоит на том самом месте, где минувшим вечером Лена Раевская наткнулась на труп покойника.

Ну да, именно здесь он и лежал, а вокруг толпились все остальные… Вытоптали всё, как стадо бизонов, вот Зульфия и недовольна. С другой стороны, подумаешь, тачку у нее переставили и кусок веревки украли! Кстати, а куда Дарья дела веревку, которой обвязывали покойника?

Александра еще раз внимательно осмотрела ключ и заметила на нем случайно приставшую коричневую нитку. Кажется, на покойном была коричневая куртка из плотной ткани. Впрочем, было довольно темно, и цвет одежды не удалось как следует разглядеть. При искусственном свете все цвета меняются…

Александра прошла вдоль забора, повторяя их вчерашний путь. Вот следы, оставленные тяжело нагруженной тачкой, рядом – отпечатки ног… Нет, они просто идиоты! Ну как можно было все оставить в таком виде? Даже трехлетний ребенок догадается, что здесь что-то тащили.

Следы привели ее к кустам сирени, к тому самому месту, где еще недавно был собачий подкоп.

Александра раздвинула кусты.

Клава, которая послушно бежала рядом, смущенно заскулила и отвела глаза, как будто говоря: я к этому не имею отношения.

– Да я на тебя вовсе и не сержусь! – проговорила Александра, наклоняясь, чтобы лучше разглядеть место вчерашней криминальной драмы.

Земля на месте подкопа была кое-как утрамбована и присыпана сухими прошлогодними листьями. А еще на нижнем краю забора, почти на уровне земли, болталась коричневая нитка. Точно такая же, как та, которую она нашла на ключе.

Что же это значит?

Одна нитка осталась на заборе, когда через подкоп протаскивали труп. Вторая случайно зацепилась за ключ. Видно, что нитки идентичные, а следовательно, обе – из коричневой куртки, которая была надета на вчерашнем таинственном покойнике. Значит, этот ключ его и случайно выпал из кармана. Неудивительно, что вчера Дарья его не нашла – было темно, к тому же она была в приличном подпитии… Да что уж говорить, они все были хороши!

А может быть, этот ключ выронил кто-то другой! А Александра уж и нитки стала исследовать, прямо как Шерлок Холмс.

Тут у нее мелькнула еще одна мысль, важная и очень неприятная, но додумать ее до конца она не успела – за спиной раздался знакомый голос:

– Заметно!

Александра вздрогнула и обернулась. Лена Раевская со своим вечно сонным выражением.

– Очень заметно! – повторила она.

– Что? – испуганно переспросила Александра, торопливо пряча ключ в карман. – О чем ты?

– Очень заметно, что здесь недавно копали. Если кто-то станет проверять, тут же все поймет.

– А кто будет проверять?

– Вот только и остается надеяться, что никто. Зульфия, конечно, заметила непорядок, но шум поднимать не станет. У нее с регистрацией не все ладно, ей внимание к себе привлекать не с руки.

– А «олигарх»?

– «Олигарх» прикажет избавиться от трупа и замять это дело, – сказала подошедшая Рита.

Все-таки ужасная у нее привычка – подкрадываться незаметно!

– Ой, напугала! – вскрикнула Лена.

– Ты прямо как индейский следопыт, – уважительно поддакнула Александра.

– Но все-таки, согласитесь, как-то беспокойно, – вздохнула Лена. – Вон и Саша тоже сюда пришла.

– Да это я с Клавой играла…

– С Клавой? – Лена усмехнулась. – Ну, понятно… и именно на этом месте.

– Да ну вас! Это случайно получилось. Клава меня сюда привела…

– Да можешь не оправдываться, я как раз очень хорошо тебя понимаю. У меня это дело тоже из головы не идет. Очень уж много всяких нестыковок и непоняток. Для начала: кто он такой и как сюда попал?

– Кто он такой – понятия не имею, а как попал… Ну, зашел через калитку. Мы веселились, выпивали, вот и не заметили.

– А вот и нет! Зульфия, когда уходит, всегда запирает калитку на ключ.

– Ну, значит, не всегда. Значит, вчера забыла запереть.

– Нет, не забыла. Я с ней перед уходом разговаривала и дошла до ворот. И видела, как она ее с той стороны заперла и еще подергала. Ты же знаешь, у нее пунктик – боится, что дачу обворуют и ее сделают крайней.

– Тогда не знаю, что и думать…

На самом деле одна мысль у Александры была: не подходит ли к калитке тот ключ, который нашли они с Клавой. Но ей почему-то ни с кем не хотелось делиться этой мыслью, по крайней мере до тех пор, пока она сама ее не проверит.

– Вот и я не знаю! – подхватила Лена. – И очень мне это не нравится. Непонятно, как он сюда попал, а самое главное – зачем. Что ему могло здесь понадобиться?

В это время на крыльце показался Геннадий и позвал жену. Рита хмыкнула и тоже ушла в дом. Александра осталась вдвоем с Клавой. Собака просила еще поиграть, но Александре было не до того.

– А где твой приятель Бонни? Поиграй с ним!

Клава горестно вздохнула – мол, подруга, ты же знаешь этих мужчин, вечно они где-то шляются! Тем более что калитка закрыта и Зульфия ругается, когда Бонни лает за воротами. А лаз под забором вы же вчера засыпали…

Александра потрепала собаку по загривку и пошла к воротам. Ей не терпелось проверить, подойдет ли ключ к калитке.

Оглядевшись по сторонам, Александра достала ключ. Даже по внешнему виду было понятно, что он не подойдет к калитке – слишком мал, да и форма совсем не та. Но она на всякий случай вложила ключ в замочную скважину.

Нет, точно, не подходит…

Как же тогда незнакомец проник на их участок? А самое главное – зачем?

Тут она вспомнила ту мысль, додумать которую помешала Лена. А размышляла Александра перед ее появлением о том, что в карманах незнакомца ничего не было – ни кошелька, ни документов, ни мобильного телефона. Ни ключей.

Вернее, как раз ключ у него имелся. Вот этот самый, старинный. Но он явно не от квартирной двери. Что же получается? Этот человек носил с собой какой-то странный ключ, но не ключи от собственной квартиры?

Очень не похоже на правду.

Но ведь карманы у него действительно были пусты, Дарья их проверила. А что, если у него были и ключи, и телефон, и бумажник, но кто-то все это забрал? Забрал уже после смерти.

Скорее всего, так и было. Тот, кто убил этого незнакомца, все и забрал из его карманов, чтобы нельзя было идентифицировать труп. Он же не знал, что их компания не станет полицию вызывать, а подсунет труп к соседям.

Александра поежилась. Да, вряд ли это была хорошая идея. Их еще ждут неприятности, ох ждут…

Внезапно она почувствовала чей-то взгляд и оглянулась – участок был пуст, даже Клава куда-то подевалась. Подняв глаза, Александра увидела, как на втором этаже колыхнулась занавеска. Так, значит, оттуда за ней наблюдают… Старикану нечего делать и он пялится в окно? Так обычно старухи делают, а Никита Сергеевич вроде как мемуары пишет. Ах да, есть еще новый жилец…

Небо затянуло тучами. Александра надела свитер потеплее, накинула поверх него непромокаемую куртку и снова вышла на улицу. Неподалеку от крыльца в складном кресле сидел Гена. В руках он держал толстую книгу в синем переплете, на плечи был накинут старенький плед.

– Что читаешь? – осведомилась Александра, обхватив себя руками. – Детектив?

Гена неохотно отвел глаза от книги и показал ей обложку.

Александра прочитала название: «Экономические и политические последствия реформ Александра Второго».

– Удовлетворена?

Александра хотела извиниться, но в это время из приоткрытого окна донесся пронзительный голос Лены:

– Геник, твой телефон звонит!

– Так принеси! – раздраженно ответил Геннадий.

– Я не могу, я не одета! Ответь, может, что-то важное! Ну, Геник, ответь же!

Гена недовольно фыркнул, закрыл книгу и, зажав ее под мышкой, поднялся на крыльцо.

Внезапно из книги выпал листок бумаги и спланировал на ступеньку, но Гена не заметил этого, поскольку подхватывал в это время сползающий плед. Александра подняла листок и окликнула Гену, однако тот уже скрылся в доме и захлопнул за собой дверь.

Александра никогда не читала чужих писем, но тут ее взгляд случайно упал на листок, на котором крупными печатными буквами было написано:

Я знаю, что ты сделал. Если не хочешь, чтобы об этом узнали все, приходи сегодня в одиннадцать к собачьей будке.

Александра вздрогнула. Что он сделал… Когда? Не вчера ли вечером? И что это значит? Что Гена убил того типа? А кто-то из их компании видел и теперь требует от Гены… чего? Денег? В подобных записках всегда за молчание требуют денег. Или еще что-нибудь важное.

Как там у Агаты Кристи? «Положите бумаги на солнечные часы…» Нет, это, кажется, из Конан Дойля.

Но когда же Гена успел убить того мужчину? Ведь не с ходу же на него наскочил и пырнул ножом. Ножом? Да, вроде бы Рита говорила, что рана была ножевая, только орудие убийства рядом не нашли. И вообще ничего не нашли, кроме ключа. Но таким ключом не убьешь.

Надо бы разобраться, кто отлучался от стола вчера вечером. А прежде всего мог ли Гена? Мог. Он бегал за коньяком и еще за чем-то. Лена тоже сновала туда-сюда – то за посудой, то за салфетками, то пирог принесла, то чайник заварной. Дашка все время прыгала и бегала и тоже вполне могла улучить минутку. Пабло ходил несколько раз мыть руки. А руки ли он мыл? Рита приносила отцу теплый шарф и лекарство. Вот Никита Сергеевич вроде бы никуда не ходил, да и трудно было представить немощного старика, убивающего вполне крепкого мужчину. Вот если бы он его палкой стукнул, то еще туда-сюда, а ножом… нет, не получится.

Кто остался? Митя и сама Александра. Ну, про себя она точно знала, что не убивала того типа, а вот Митя как сел в уголке за столом, так весь вечер с места не сошел. Хотя, как оказалось, парень сильный, вон как лихо труп просунул к соседям.

Получается, что под подозрением пятеро. Но Александра решила об этом никому не говорить. Зачем людей зря обижать? Виновен-то только один, и, скорее всего, это Гена.

Она положила листок на скамейку и ушла в дом.

Чаю, что ли, выпить?.. Александра выдвинула ящик, взглянула на свои запасы и тяжело вздохнула. На одном печенье ее так развезет, что ни в одну дверь не пройдешь. Как ни крути, а придется дойти до магазина, купить хотя бы яблок и каких-нибудь овощей.

Она быстро собралась, взяла сумку и вышла за ворота. В саду было пусто, даже Зульфия куда-то испарилась. Клава лежала возле будки. При виде Александры она слабо махнула хвостом.

Ближайший магазин находился возле станции, и Александра решила срезать путь по тропинке, тем более что там было меньше всего шансов с кем-то столкнуться.

Однако не успела Александра далеко отойти от дома, навстречу ей выступил рослый мужчина со сломанным носом и квадратным подбородком боксера, в темном костюме, к которому совсем не подходили стильные светлые кроссовки.

Мужчина остановился посреди тропинки, пристально глядя на Александру. Ничего не говоря, не улыбнувшись и не утруждая себя приветствием, он просто стоял и смотрел, загораживая ей дорогу. Александра внутренне подобралась, чувствуя, что ничего хорошего эта встреча ей не сулит.

– Не могли бы вы меня пропустить? – спросила она, остановившись в двух метрах от незнакомца, как предписывали правила карантина. – Вы же знаете, сейчас не положено приближаться друг к другу.

Она произнесла эти слова самым приятным голосом. Уж что-что, а голос у нее был хорош, это все признавали. И тембр, и манера речи, и ровный, спокойный тон… Однажды по случаю она записывала передачу на радио, так ведущая восхитилась: «С таким-то голосом вы у нас должны просто поселиться!» С тех пор ее приглашали довольно часто, даже рубрику выделили в еженедельной передаче про город.

Александра спохватилась, что сейчас не время предаваться воспоминаниям, и огляделась. Сбоку шла еще одна тропинка, которая вела к неприметной железной калитке в заборе, окружающем владения «олигарха». Именно с той стороны и появился мужчина. Видимо, он из охраны или обслуги этого «олигарха». Кажется, Александра видела его, когда заглядывала через забор. Надо будет у Риты спросить, она там всех уже приметила.

– Не волнуйтесь, – ответил мужчина низким хрипловатым голосом, старательно изображая дружелюбие, – конечно, я вас пропущу. Вы ведь из того дома, с башенкой? – он кивнул на дом академика Сикорского, возвышавшийся над забором.

– Ну да, оттуда… – признала Александра очевидное.

– У вас там довольно большая компания… – продолжал мужчина. – Вы все знакомые хозяйки?

– Ну да, знакомые, более или менее…

– У вас там весело! А вчера какой-то праздник был?

– Ну да, день рождения нашей подруги… – ответила Александра, чувствуя, как сердце проваливается в нижнюю часть живота.

– День рождения… – повторил мужчина и чуть заметно улыбнулся. Так, наверное, улыбаются акулы. Если, конечно, они вообще улыбаются.

– Хорошо погуляли?

«А вам какое дело? – хотела спросить Александра, но тут же одернула себя. – Не болтай лишнего!»

– Гости, наверное, приезжали… – продолжал мужчина, перестав улыбаться.

– Что вы, как можно! – Александра замахала руками. – Карантин же, были только свои! Мы люди законопослушные, раз нельзя – значит нельзя! И все-таки разрешите мне пройти, я тороплюсь.

– Ну-ну… – он отступил в сторону, и снова появилась эта акулья улыбка. – Бегите!

«Он знает, – в панике подумала Александра, чувствуя, как сверлит спину его взгляд. – Он понял, что труп подсунули мы. Да тут и дурак бы догадался, все следы видны. И вообще, только наш дом достаточно близко находится… Но отчего они не вызвали полицию, если не имеют к трупу никакого отношения? У них какие-то свои причины? Но он точно знает…»

В магазине возле станции из-за карантина было почти пусто. А точнее, в нем находились всего два человека: продавщица Люся возвышалась за прилавком, как скала над морем, и еще одна невысокая крепенькая тетенька, похожая на

прикроватную тумбочку, делала покупки. Рядом с ней стояла хозяйственная сумка на колесиках, уже почти полная. Покупательница была в голубой одноразовой медицинской маске. Люся, по всей видимости, обычную маску не нашла, или уже использовала весь запас, или же они ей не подходили по размеру, поэтому она красовалась в самодельной маске, сшитой из детской фланелевой пеленки в зайчиках и медвежатах.

Также из-за карантина покупательница стояла поодаль от прилавка, соблюдая положенную дистанцию, поэтому разговаривала с Люсей на повышенных тонах, почти кричала, как будто они находились на разных берегах не очень широкой реки.

– Что-то вы сегодня, Марья Степановна, много всего закупаете, – заметила Люся, а увидев вошедшую в магазин Александру, строго проговорила: – А вы, женщина, почему без маски ходите?

– А где же ее взять? – вздохнула Александра.

– Сшейте сами. Вот я же сшила!

– Я не умею. Да и не из чего.

– Ну, так хоть дистанцию соблюдайте. Положено полтора метра соблюдать, вот и соблюдайте!

Александра послушно отступила от прилавка, и женщины продолжили прерванный разговор.

– Я и сама не рада, Люсенька, – проговорила покупательница, отирая лоб тыльной стороной руки. – Больно мне охота продукты таскать, ноги-руки трудить, да только Витька сегодня как с утра уехал, так до сих пор и не вернулся. А мне же всех этих оглоедов кормить… сама знаешь – они все здоровые, и аппетит у них, как у сверхсрочников. А Витька все не возвращается…

– Витька? – переспросила Люся, неторопливо отвешивая сахарный песок. – Это какой же Витька?

– Известно какой! Шофер наш. Так-то он каждый день ездил за продуктами, так я и горя не знала. Разве что за хлебом к тебе зайду, потому как хлеб у тебя больно хороший, а все остальное Витька из Зеленогорска привозил – и мясное, и молочное, и овощи. А у тебя я только хлеб беру, ты же знаешь…

– Да, хлеб у нас хороший, из Лесного каждый день привозят… Так что ж сегодня-то?

– Сегодня Витька, как всегда, утром приехал, и только я к нему пошла со списком, что покупать, как они в его пикап стали какой-то мешок большой грузить. Видно, что тяжелый. Тут Палыч на меня как рявкнет: «Пошла вон! Куда суешься?»

– Палыч? Это который Палыч?

– А это который начальник над охраной. Пошла, говорит, вон, не крутись тут…

– Так и сказал? – ахнула продавщица. – А вы, Марья Степановна? Вы ему это спустили?

– А что я могу? Я ему: «Палыч, мне же продукты нужны! Вот же, целый список!»

– А он? – переспросила Люся с живейшим интересом.

– А он мне говорит: «Не до тебя, дура! Пошла вон! И вообще, нечего тут вертеться!»

– Надо же! – ахнула продавщица. – Прямо так дурой и обозвал? Ужас какой! А вы?

– А я ему: «Палыч, ты же сам первый кушать запросишь!»

– А он?

– А он меня чуть не прибил. Что-то еще Витьке сказал, я не услышала, что именно, сел вместе с ним в машину и уехал. И все, с тех пор они не возвращались… Главное дело, что Палыч никогда на меня раньше не кричал,

всегда такой вежливый, обходительный, слова худого не скажет… мамашей называл…

– Само собой, вы же их всех кормите! Что же это он сегодня так разошелся?

– Я вот что думаю, – покупательница придвинулась поближе к прилавку и понизила голос, но, вспомнив о необходимой дистанции, тотчас попятилась. – На него, на Палыча, утром Олег Николаич, хозяин наш, накричал. Так орал – у меня посуда в шкафчике чуть не побилась! Когда Палыч от него вышел, прямо красный весь был, как помидор… Кстати, Люся, помидоров мне тоже положи, килограмма три…

– Ну, дела… Чего вам еще надо, Марья Степановна?

Покупательница сверилась со списком и проговорила:

– Яичек три десятка или лучше четыре… хлеба четыре буханки… молока обязательно… сметаны, которая двадцать процентов, они любят, чтобы пожирнее… – Тут она повернулась к Александре и проговорила строго: – А вы, девушка, что так нервно дышите? Что я много всего покупаю, так мне столько мужчин кормить надо! А вы чем дышать, лучше бы сами меньше шумели! Вчера вечером такой от вас галдеж был, я заснуть не могла…

– Что, простите? – удивленно переспросила Александра.

– Вы ведь соседка наша, из дома с башенкой, который Беллы Юрьевны? Вы у нее снимаете?

– Ну да, а откуда вы знаете?

– А вы как думали? Народ, он все знает! От народа ничего не скроешь! – Она снова повернулась к продавщице и продолжила: – Еще мне помидоры нужны, килограмма три… ах, помидоры ты уже положила… огурчиков тоже три кило…

– Как же вы, Марья Степановна, все это дотащите? – сочувственно проговорила Люся.

– Да уж как-нибудь… мне не привыкать…

Александра задумалась о том, что услышала.

Судя по всему, эта похожая на тумбочку тетка – кухарка или домоправительница в доме того самого «олигарха», который обитает за забором. И сегодня утром этот «олигарх», Олег Николаевич, накричал на начальника своей охраны. После чего в пикап, ежедневно подвозивший в дом «олигарха» продукты, погрузили какой-то большой и тяжелый мешок…

Логично предположить, что в этом мешке был труп.

Тот самый труп, который они накануне общими усилиями подбросили на соседний участок.

Утром его нашли, хозяин устроил выволочку начальнику охраны за то, что тот не уследил, допустил ЧП, и велел избавиться от трупа.

Ну, все ясно – начальник охраны «олигарха» повез труп неизвестного куда-то, где от него можно избавиться. На городскую свалку, или в котельную, где его можно сжечь, или просто на какое-нибудь уединенное лесное озеро, где труп можно утопить, привязав к нему груз…

Да, они так никогда и не узнают, кто был этот человек и зачем он пришел к ним на участок.

За работой мастер Вайсберг с грустью вспомнил недавние, казалось бы, времена, когда в его гостиной с самого утра толпились заказчики, а в мастерской трудились пятеро подмастерьев, едва успевавшие выполнять их заказы.

Тогда все знатные и богатые люди в германских землях и даже за их пределами желали непременно обзавестись «нюрнбергскими яйцами», как называли тогда карманные часы самых разных форм и конструкций, которые научились делать искусные часовщики славного города Нюрнберга.

На первых порах эти часы и правда делали в форме пасхальных яиц, отчего они и получили свое название, но потом их формы и размеры стали самыми разнообразными.

В Нюрнберг приезжали знатные господа из Баварии и Вюртемберга, из Мекленбурга и Пфальца, из Вестфалии и Лотарингии, богатые купцы из Страсбурга и Майнца, из Кёльна и Геттингена, даже из Парижа и Амстердама.

Они платили нюрнбергским часовщикам полновесным золотом, и мастера процветали – нанимали помощников и подмастерьев, покупали богатые дома и роскошные коляски.

И мастер Вайсберг был тогда одним из первых в цеху нюрнбергских часовщиков. Он изготавливал самые необычные и удивительные часы: в форме совы, хлопающей круглыми глазами, в виде мертвой головы с пустыми провалами глазниц, в виде сердца и креста, лилии или порхающей бабочки.

Он сумел сделать часики такие маленькие, что их можно было вставить вместо драгоценного камня в перстень, в серьгу или в пуговицу для парадного камзола.

Одним из первых он смастерил карманные часы с музыкой, которая играла каждый час. Такие часы заказал ему архиепископ Майнца, и с ними случилась забавная история.

Как-то во время большого приема у себя во дворце архиепископ заметил, что у него пропали эти самые часы. Приближенные хотели запереть двери и обыскать всех присутствующих, чтобы найти вора и вернуть драгоценную пропажу. Но его преосвященство улыбнулся и проговорил:

– Не стоит волноваться и беспокоить моих благородных гостей! Через несколько минут часы сами назовут вора! Попрошу только некоторое время соблюдать тишину!

Музыканты на галерее прекратили играть, гости перестали разговаривать.

И тут в наступившей тишине раздалась трогательная песенка: «Ах, мой милый Августин…»

Украденные часы заиграли в кармане вора, которым оказался дворянин из Эльзаса.

Да, славные были времена! Мастер Вайсберг процветал, он тратил деньги не считая и думал, что так будет всегда. Его жена шила платья у лучших портных Нюрнберга, покупала шляпки, привезенные из Парижа, флорентийские украшения и брабантские кружева. Она настояла, чтобы муж купил для выездов модную лаковую коляску, сделанную лучшим страсбургским мастером.

Им казалось, что так будет всегда.

Но незаметно количество заказчиков стало уменьшаться, денежный ручеек начал скудеть. Оказалось, что часовые мастера Цюриха, Базеля и Женевы тоже научились делать карманные часы и даже превзошли в этом искусстве нюрнбергских часовщиков. Многие заказчики предпочитали теперь швейцарские часы.

На первых порах мастер Вайсберг думал, что это только временные трудности, что они скоро минуют. Жена требовала новых и новых платьев и украшений, и он взял деньги в долг. Сначала немного, потом больше и больше…

Дела его с каждым днем шли все хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пушкин А.С. Пир во время чумы.

2

Там же.

3

Пушкин А.С. Пир во время чумы.

Купить: https://tellnovel.com/natalya-aleksandrova/chasy-akademika-sikorskogo

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити